

**ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ, ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ**

ТИХИЕ ОМУТЫ

Часть сборника: Старики-разбойники (сборник)

Эльдар Александрович Рязанов Эмиль Вениаминович Брагинский

Тихие омуты

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183982

Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский Старики-разбойники: АСТ, Зебра Е;

Москва; 2008

ISBN 978-5-17-048780-6, 978-5-94663-535-6

Аннотация

«... После фильма «Забытая мелодия для флейты» наши пути с Эмилем разошлись. Почти восемь лет мы не работали вместе. Причем разошлись мы не из-за какого-то конфликта или ссоры. Разошлись мы, пожалуй, из-за того, что наши творческие интересы стали не совпадать. Кстати, я предложил Эмилю принять участие в работе над «Небесами обетованными», но этот материал его не заинтересовал. Эмиль отказался. Он в свою очередь предлагал мне свои проекты, но они не заинтересовали меня. Однако это никак не повлияло на наши личные отношения. А когда осенью 1997 года мне пришел в голову сюжет новой комедии о любви, то я сразу же подумал: – Это нам надо сочинять вместе с Эмилем. Эмиль принял мое предложение с радостью, и мы стали писать «Тихие омуты». Оба волновались, как пойдет наша работа после столь долгого перерыва. Но, казалось, разлуки не было, как будто мы лишь вчера кончили нашу последнюю вещь.

Почти полгода трудились мы над сценарием, сделали несколько вариантов. В апреле 1998 года сценарий был готов. ...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эмиль Брагинский, Эльдар Рязанов Тихие омуты

Глава первая

Наша история началась в такое время года, когда лето уже кончилось, а осень еще не пришла. Деревья уже принялись желтеть и ронять на московский асфальт отдельные преждевременно постаревшие листья. Был не то конец августа, не то уже начало сентября. Теплынь стояла как бы летняя, но одновременно по-осеннему мягкая. Но вообще-то, время, когда затеялась наша история, не имело особенного значения...

И все-таки завязка нашего повествования началась в такое время суток, когда ночь еще не ушла, а утро еще не явилось. В общем, было или очень поздно или очень рано, в зависимости, откуда считать.

На перекрестке в центре Москвы на светофоре сменялись огни с красного на зеленый и обратно, но автомобили где-то еще спали, никто никуда не ехал, так что светофор работал вхолостую. Под пустым милицейским стаканом дежурил на всякий случай «форд» дорожно-патрульной службы.

Внутри него кемарил молоденький инспектор. Вдруг из глубины Большой Никитской показалась мчащаяся «скорая помощь» – роскошный импортный микроавтобус с красным крестом, надписью «Реанимобиль» и тревожно мелькающей мигалкой на крыше. Машина на страшной скорости пронеслась через перекресток, мимо памятника Тимирязеву, мимо милицейского патруля, свернула, не замедляя хода, на красный свет в улицу с односторонним движением и поспешила дальше, проскочив между двумя замершими перед светофором автомобилями. Лейтенант выскочил из «форда» и проводил глазами «скорую помощь», несущуюся против движения, которого, по счастью, сейчас не было.

То, что медицинская машина попирала дорожные правила, не смутило инспектора – на то она и «скорая помощь», чтобы приехать к больному как можно быстрее. Но кое-что повергло его в недоумение: микроавтобус ехал какими-то странными зигзагами, напоминая слаломиста. То он бессмысленно наезжал на бордюр тротуара, то прыгивал с него в сторону, чуть не задевая бульварную решетку на противоположной части улицы. Инспектор вскочил в свой «форд» и устремился в погоню за нарушителем.

Внезапно перед лихачом возникла преграда. На мостовой были выставлены помойные баки, и огромный мусоровоз опрокидывал в свое чрево содержимое контейнеров. Для проезда по мостовой оставалось слишком узкое и извилистое пространство. Но «скорая», не замедлив хода, стала на

два колеса и на боку пронеслась мимо опасного места. Милиционер притормозил и медленно протиснул свой «форд» между баками, потеряв на этом маневре несколько минут. Тем временем медицинский автомобиль ворвался на Патриаршие пруды. Казалось, за рулем сидел первоклассный гонщик-каскадер. Он направил машину по узкому крутому откосу между водой и прогулочной пешеходной дорожкой. Микроавтобус рискованно накренился и двигался, лишь чудом не сваливаясь в воду. Зрелище было не для слабонервных. Лейтенант не рискнул повторить головокружительный трюк и поехал по прогулочной аллее наверху. Так они и ехали – один над другим. Инспектор нагнал «скорую помощь», но находились они как бы на разных уровнях или, вернее, на разных этажах. Наконец «реанимобиль» по откосу выехал на ту же дорогу, по которой мчался преследователь. Милицейский «форд» пошел на обгон, намереваясь преградить путь обезумевшему микроавтобусу, но тот вдруг вильнул к тротуару, затормозил и лихо припарковался около высокого престижного нового дома, втиснутого между двумя старинными зданиями...

Если бы по нашей повести снимался фильм, то, конечно, на фоне автомобильных гонок показали бы вступительные титры картины, причем сопроводили бы их быстрой и веселой мелодией. А может быть, режиссер придумал бы что-нибудь другое. Впрочем, это его дело...

Из медицинской машины вывалился вовсе не гон-

щик-каскадер, а прилично подвыпивший мужчина. Тут же стремительно подкатил патрульный «форд». Молодой милиционер подскочил к водителю, который предусмотрительно держался за дверную ручку автомобиля, чтобы не упасть.

– Ваши права! – строго потребовал милиционер.

– Зачем? – невинно спросил водитель. – Мы же не сделали ничего плохого.

– Вы пьяны!

– Да, я выпимши! – не отпирался водитель.

– Ваши права! – повторил инспектор.

– Не дам! – уперся алкаш и крикнул пассажиру: – Ваня, выйди, если сможешь.

Ваня послушно вышел. На ногах он держался тоже не слишком твердо.

– Это мой заместитель... – начал было объяснять водитель, показывая на Ваню...

– Заместитель по пьянству? – инспектору была не чужда ирония.

– Нет, что вы! – воскликнул тот, кому не дали договорить.

Было ему уже за пятьдесят. На нем ладно сидел хороший костюм. Борода, усы и очки делали его чем-то похожим на Антона Павловича Чехова. Но не только внешность и высокий рост роднили «водителя» с классиком литературы. Как и Чехов, герой нашего повествования был доктором. Правда, в отличие от писателя он не сочинял пьес и рассказов, а только оперировал. Но в области хирургии он занимал, пожалуй,

не менее значительное место, нежели Чехов в литературе.

– Нет, что вы, – повторил хирург. – Ваня – потрясающий талант. Сегодня он сделал операцию на позвоночнике, какую не делал еще никто в мире!

– И мы гуляем! – во всю ширь улыбнулся Ваня. Был он моложе шефа лет на двадцать.

– У нас уважительная причина! – с душой произнес старший по возрасту и внезапно рухнул перед инспектором на колени. – Голубчик, не обессудь!

«Голубчик» растерялся, потому что никто еще не вставал перед ним на колени. А Ваня кинулся поднимать шефа. Милиционер же неожиданно сказал коленопреклоненному:

– Я вас по телевизору видел. Вы знаменитый доктор, профессор... простите, фамилию запомнил.

– Надо бы помнить его фамилию! – укоризненно произнес вдрабадан пьяный Ваня, который вместе с милиционером дружно ставил доктора на ноги. – Антон Михайлович не только профессор, но и академик. Директор клиники. И лауреат.

– Вспомнил! Вы – Каштанов.

– Молодец! – одобрил Ваня. – Это действительно сам Каштанов.

– А вас как зовут? – поинтересовался академик и лауреат.

Инспектор представился по полной форме:

– Лейтенант Николай Дементьев.

Женское лицо возникло в окне третьего этажа. Женщина

внимательно посмотрела на то, что происходит внизу.

А внизу Каштанов раздухарился:

– Коля, пошли ко мне, продолжим! А тебе, Ваня, придется, уж прости, объявить выговор за незаконное и нетрезвое использование машины в личных целях.

– А кто приказ подпишет? – ухмыльнулся Ваня, он же Иван Павлович Минаев. – Вы же с сегодняшнего дня в отпуске.

Антон Михайлович Каштанов нашел решение:

– Сам и подпишешь. Ты ведь остаешься вместо меня. Пошли!

Антон Михайлович возвращался домой в дивном настроении. Он пел:

– Миллион, миллион, миллион алых роз...

Жена Каштанова, та самая женщина, что выглядывала из окошка, спустилась в лифте на первый этаж. Жене было около сорока. Даже ночью она была одета элегантно и отлично выглядела. Но при этом ее трясла злоба и от злобы бил озноб.

– Полюшко-Поле, это я с друзьями! – Муж обрадовался тому, что жена его ждет. – Опустошай холодильник.

– Ты почему не позвонил? – прокурорски спросила жена.

– Прости меня, я забыл. Понимаешь, Ваня сделал уникальную операцию. И мы отмечали это событие! – начал оправдываться Антон Михайлович.

– Но как ты мог не позвонить, я тут с ума схожу! Я обзвонила всех и вся! – В голосе супруги звучал металл.

– Поля, прости, я виноват! Но у меня сегодня праздник!
Ну, забыл, понимаешь?..

– Я стою на лестнице четыре часа. У меня опухли ноги.

– Сейчас поставим компресс! – сердобольно предложил Ваня.

– Пошли вон, пьянчуги! – заорала жена.

Ваня и милиционер, понурившись, поплелись вон из подъезда.

– Ты оскорбила моих друзей! – возмутился Антон Михайлович.

– А ты... как ты мог не позвонить! – не унималась Полина Сергеевна. – Ты – эгоист, ты – изверг, ты – не мужчина!

И жена начала заталкивать доктора в лифт.

От обиды Каштанов заплакал:

– Тогда кто же я, по-твоему?

В лифте супруги молчали: жена от переполнявшей ее ярости, а муж от унижения и в знак протеста.

Войдя к себе в кабинет, насмерть разобиженный Каштанов, не раздеваясь, повалился на тахту. Перед тем как заснуть, он со слезами на глазах повторял оскорбительные слова Полины Сергеевны и пришел к окончательному выводу, что завтра же разведется с нею.

«К чертовой матери! – думал знаменитый хирург, который всю жизнь слышал от всех в свой адрес только добрые и благодарные слова. – За что?.. Что я сделал?.. Это несправедливо... так обозвать... Нет, с ней жить попросту невоз-

можно... Утро начну с того, что объявлю ей о разводе... Надо же, сказать мне такие страшные слова...»

Мысли его путались, и бедолага так и уснул в костюме и в очках под непогашенной настольной лампой...

На следующее утро завтрак проходил в грозном молчании. Полина Сергеевна привычно подавала овсяную кашу, кефир, кофе.

– Я хочу яичницу и бутерброд с копченой колбасой! – мрачно потребовал Антон Михайлович, понимая, что он завтракает с этой женщиной в последний раз. Вид у него после вчерашнего был, мягко говоря, не самый свежий, а самочувствие просто препоганое.

– Это тебе нельзя! – парировала жена.

– В моем возрасте еще можно все!

– Я лучше знаю, что тебе можно!

– А как ты меня вчера обозвала? – неожиданно спросил муж. – Эгоиста и изверга припоминаю. А что на третье? Самое мерзкое?

– Как следовало, так и обозвала! Уж я-то знаю, чего ты стоишь!

– Ты вела себя недопустимо – прогнала моих друзей.

Жена поглядела с насмешкой:

– И давно этот мент тебе друг?

Муж поразился:

– Какой мент? Ты зачем придумываешь?

– Ты пришел с милиционером!

– Я не приходил с милиционером! Никогда! – Каштанов был абсолютно уверен в своей правоте.

– В твоём возрасте пить вредно! – вмазала Полина Сергеевна, на что Каштанов ответил философски:

– В моём возрасте и жить вредно!

После завтрака угрюмый Каштанов, недовольный тем, что напрочь забыл вчерашнее самое страшное оскорбление жены и из-за этого не мог начать разговор о разводе, проследовал к себе в кабинет. Он понимал, что слов «эгоист» и «изверг» недостаточно, чтобы объявить, как сказали бы нынче, импичмент Полине Сергеевне. А главное слово, как назло, вылетело из головы.

Если по нашей истории снимали бы игровую киноленту, то художник обставил бы кабинет Антона Михайловича с тщанием и артистично, ибо съёмочная группа относилась бы к нашему герою с нескрываемой симпатией. В кабинете доктора было много книг, причем на разных языках. На стенах висели картины, намекавшие на пристрастие хозяина к русскому авангарду и примитивизму. На тахте валялся взбудораженный плед, дававший понять, что доктор провел беспокойную ночь. На книжных полках красовались всяческие сувениры, привезенные из-за рубежа. На письменном столе – стопка медицинских журналов, начатая рукопись. Пианино у стены, гитара на почетном месте, набор компакт-дисков и приличная музыкальная техника демонстрировали серьез-

ный интерес к музыке. Среди фотографий обращали на себя внимание портрет старой женщины – матери Каштанова, сам доктор, снятый в оксфордской мантии и шапочке, и большая фотография красивой женщины средних лет – первой жены Антона Михайловича. Кабинет был обжитой и уютный. Посередине кабинета стоял чемодан, собранный в дорогу, на кресле висел пиджак доктора с лауреатской медалью.

Прежде чем приступить к утреннему макияжу, Полина Сергеевна заглянула в мужнин кабинет.

– Вещи я уложила, – строго сообщила она. – А на столе, вот, смотри: путевка, твой паспорт, санаторий называется «Волжский утес». Это билеты на поезд Москва-Самара. Вагон СВ. И, пожалуйста, выйди в Сызрани, это раньше чем Самара.

И жена аккуратно расправила плед на тахте.

– Не хочу в санаторий! – взмолился Антон Михайлович. – Там меня начнут лечить, а я этого не выношу!

– И это говорит врач! – Полина Сергеевна была неумолима. – Я лучше знаю, что ты хочешь! Ты хочешь ехать в санаторий! Это необходимо для твоего здоровья!

– Полюшко-Поле, пожалей меня! Я не хочу в санаторий... – жалобно повторил доктор.

– Значит так, – командирским тоном перебила жена. – Я даю тебе две тысячи рублей... – Она открыла ящик письменного стола и достала оттуда деньги.

– Что так щедро? – с сарказмом поинтересовался муж.

Полина Сергеевна иронии не уловила:

– Надо, чтобы у тебя были деньги, на кино, например, газету купить, мне позвонить... В поезде за постель платить не надо, входит в стоимость билета. На вокзал приеду, привезу тебе чего-нибудь вкусенького...

– А все-таки, – настаивал Каштанов, – что было после эгоиста и изверга, на третье?

– А ты что, забыл? – поинтересовалась жена.

– Забыл! – признался Антон Михайлович.

– Что ты на этом заиклился? – отмахнулась она. – Да, в девять тридцать у тебя заседание фонда. Ты успеешь на нем показаться. Твой поезд в семь вечера.

Полина Сергеевна отправилась в спальню и приступила к сложному процессу, который можно было бы назвать портретной живописью. Разумеется, работала она над автопортретом.

– Не пойду! Я в отпуске! – крикнул ей вслед подкаблучник.

Полина Сергеевна не терпела возражений:

– Нет, пойдешь! Я лучше тебя знаю, что ты должен делать!

– Тогда ты и иди! – Каштанов появился в дверях спальни.

– Этот благотворительный фонд носит твое имя. Ты там президент, а не я! – Полина Сергеевна выдавливала из заграничных тюбиков кремы и накладывала их на лицо.

Доктор Каштанов поморщился:

– В моем фонде сидят жулики!

– Это ты их развел! – съязвила жена. – Ты мягкотелый!..

Жена наступила на больное место, и потому Антон Михайлович тотчас раздраженно отозвался:

– Я не гожусь для этого. В бухгалтерии ничего не смыслю... Прикрываясь моим именем, они воруют и воруют.

– Сейчас все воруют! – Полина Сергеевна преображалась на глазах. – Но страна большая и хватит надолго.

– Ты не устала мной руководить? – понуро спросил Антон Михайлович.

– Вот ты от меня и отдохнешь ровно двадцать шесть дней! А я за это время сделаю евроремонт, поэтому нашу кредитную карту оставляю себе.

Полина Сергеевна полюбовалась на свое изображение в зеркале и осталась довольна проделанной работой. Из зеркала на нее смотрела холеная, красивая, современная особа, которая выглядела совсем не на сорок пять, как на самом деле, а, по крайней мере, на десять лет моложе. Она достала из сумочки толстую записную книжку, которая на современном, то есть полурусском языке называлась «органайзер», и направилась в кабинет мужа.

– Вот твое расписание до отъезда. Значит, после фонда в одиннадцать у тебя делегация медиков из штата Айова; в двенадцать придет Шелатуркин, он баллотируется в Думу, может пригодиться, если пройдет, а у него грыжа.

– Думаешь, грыжа ему помешает? – желчно спросил Каштанов.

– Не остри! – отмахнулась Полина Сергеевна и продолжала командовать: – В тринадцать сорок пять открытие бутика фирмы кожаных изделий «Аманти».

– А я-то при чем?

– Высокопоставленным гостям будут раздавать подарки. Возьмешь для меня портфель, коричневый не бери, обязательно серый, это элегантней; в пятнадцать тридцать заскочи в бельгийское посольство, там прием по поводу отъезда культурного советника.

– На кой черт он мне сдался, если уезжает!

– Не будь циником! И, наконец, в семнадцать открытие птицефабрики!

– А там чем брать? Петухами или яйцами? – И Каштанов иронически пропел: – Ку-ка-реку!

Полине Сергеевне уже пора было на работу, и она торопливо и привычно чмокнула мужа в щеку.

– Ты невозможен. Да, пиджак висит на кресле, я его отгладила и прикрепила на лацкан лауреатскую медаль.

– Пожалуй, мне действительно пора совершить хоть какой-нибудь лауреатский поступок!.. – задумчиво протянул Каштанов. – Все-таки, как ты меня обозвала?

Доктора самого раздражало, что он так на этом заиклился, ибо в сущности дело было не только в этом. Но жена не слышала, она уже ушла.

Полина Сергеевна замечательно вписалась в эпоху перемен, сотрясавших страну. Она создала процветающую тури-

стическую фирму, отправляющую людей отдыхать за рубеж. Это придавало Полине Сергеевне, женщине с характером майора, дополнительную властность и независимость. Каштанов посмотрел в окно, — шикарная жена уселась в новенькую «Фелицию» и отчалила от дома. Антон Михайлович задумался.

Конечно, если бы по нашему сюжету стали снимать так называемый художественный фильм, то режиссер здесь стал бы в тупик. Ибо как в кино передать рваные, наступающие друг на друга, лихорадочно сменяющиеся, разнообразные, не поддающиеся логике, обрывочные мысли? Наверное, внешне это выглядело бы так: герой походил бы по кабинету, приблизился к фотографии первой жены, посмотрел на нее. Потом он подошел бы к пианино, открыл крышку и стал играть нежную печальную мелодию Микаэла Таривердиева или Андрея Петрова. Кинокамера провела бы панораму с грустного, задумчивого лица Антона Михайловича по фотографиям, словно выхватывая сцены из прежней жизни доктора. Возможно, прозвучал бы внутренний монолог героя, который авторы написали бы, а исполнитель попытался передать наиболее достоверно.

Между тем думать Каштанову было о чем. Внешне его существование выглядело более чем успешным и счастливым. Хирург, известный всей России, директор Хирургического центра, член Академии медицинских наук, доктор медицины, профессор, лауреат Государственной премии, заслужен-

ный деятель науки, член нескольких зарубежных академий, президент благотворительного фонда и, как говорится, прочая, прочая. Но в душе у нашего баловня судьбы был разлад и неразбериха. Большая часть дел, которыми он занимался, была ему неинтересна и, более того, неприятна. Он скучал на тусовках, считая их просто убийством времени. Он не любил вникать в финансовые бумаги и часто ставил свою подпись, не углубляясь в суть дела. Он ненавидел заседания, которые, как правило, оборачивались пустой говорильней. Он не выносил, когда к нему как к директору приставали с хозяйственными заботами, и старался отделаться.

Он любил только одно – оперировать. У него были поистине золотые, волшебные руки. Он понимал, что только здесь действительно живет и приносит пользу. А во всех остальных случаях только делает вид, что живет, ибо тут душа его мертва. Но пустые хлопоты, представительство, светская жизнь, которую обожала жена, всевозможные интервью, поездки, визиты, приемы, обязанности руководителя постепенно все больше и больше засасывали его и отнимали уйму сил. На главное дело жизни не оставалось времени, Антон Михайлович чувствовал, что его руки хирурга начинают слабеть. И в душе его день ото дня рос протест и соблазнительное желание – не послать ли все эти так называемые «сопутствующие товары» к чертовой матери и остаться просто хирургом. Ох, как нелегко было принять подобное решение: находясь на пике карьеры, отказаться от многого, что щеко-

чет самолюбие, льстит тщеславию, дает всяческие преимущества. У Антона Михайловича не было властных генов, он никогда не хотел никем руководить, не выносил приказного тона, не любил и не умел командовать. Директором Хирургического центра он стал благодаря случаю. Сделал операцию, действительно сложную, высокому чиновнику, а тот возьми да и стань премьер-министром. Так заведующий отделением экспериментальной хирургии сделал неслыханную административную карьеру. Но сейчас Антон Михайлович думал не об этих высоких материях. Перед уходом в отпуск он все-таки решился и подал заявление министру с просьбой об отставке. Теперь надо было где-то укрыться, переждать, остаться одному, а ссора с женой еще больше укрепила его в этом желании.

Наконец Каштанов вышел из прострации, схватился за телефонную трубку и набрал номер. Судя по количеству набранных цифр, звонил он куда-то далеко.

Авторы, конечно, смогли бы объяснить, кому был адресован звонок Каштанова, но в целях усиления интриги они решили пойти кинематографическим путем, то есть изложить все так, как принято в сценарии кинокартины...

Телефон трезвонил в пустом сельском доме, расположенном на берегу дивного озера. В большой комнате с высоким бревенчатым потолком стены были увешаны картинами. У двери стояли пустые рамы из багета. Вообще в комнате было множество ненужных предметов, которые говорили о том,

что, скорее всего, это мастерская живописца. Одну стену почти целиком занимал большой базарный ковер с тремя китчевыми тиграми. Огромный ротвейлер, разлегшийся на полу, к телефону почему-то не подошел...

Глава вторая

Банк «Серебряный гром», как и положено мощному, солидному, короче говоря, крутому банку, располагался в многоэтажном стеклянно-зеркальном великолепии. В тот же день Каштанов вошел в здание банка и сразу был окружен тремя сытыми парнями с мощными загривками:

- Вы к кому?
- К Павлу Анатольевичу Судаковскому.
- Простите, ваша фамилия?
- Каштанов.
- Павел Анатольевич вас ожидает.

Охранники радушно заулыбались, все трое. Они умели не только стрелять из всего, что стреляет, но и быть приветливыми с теми, с кем указано быть приветливыми.

Каштанов прошел через арку безопасности, подобную тем, что в аэропортах. Ничего не зазвенело, поскольку ни взрывчатки, ни оружия у него не оказалось.

У лифта, на десятом этаже, Антона Михайловича встречал самолично Судаковский, президент «Серебряного грома». В двух шагах от президента маячил персональный охранник президента, который не отлипал от подопечного. В нашей стране каждый уважающий себя человек обязательно президент чего-нибудь. Как в Грузии каждый уважающий себя человек обязательно князь.

– Тоша, что у тебя случилось? – взволнованно спросил Павел Анатольевич. – Ты сто лет не появлялся...

– Ничего особенного... как тебе сказать... просто я ухожу во внутреннюю эмиграцию.

– Жена? – понимающе вздохнул банкир.

– Жена – это деталь, есть еще кое-что посерьезнее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.